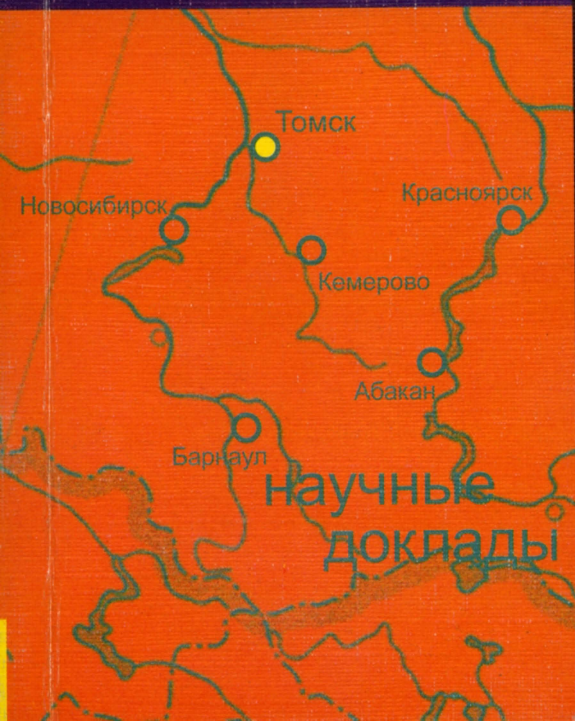

МИОН

Межрегиональные
исследования
в общественных
науках

T

Творческое наследие
Густава Густавовича Шпета
в контексте философских проблем
формирования историко-культурного сознания
(междисциплинарный аспект)

Томский
Межрегиональный Институт
Общественных наук

Творческое наследие
Густава Густавовича Шпета
в контексте философских проблем
формирования
историко-культурного сознания
(междисциплинарный аспект)

Г.Г. Шпет / *Comprehensio*
Четвёртые Шпетовские чтения

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТОМСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

2003

УДК 1 (091)

ББК 87.3

Т 28

Рецензенты:

д-р филос. наук В.И. Мо л ч а н о в (г. Москва),

д-р филос. наук В.В. Че ш е в (г. Томск)

Ответственный редактор – канд. филос. наук О.Г. М а з а е в а

Печатается по решению Совета научных кураторов программы
“Межрегиональные исследования в общественных науках”

Т 28 Творческое наследие Густава Густавовича Шпета в контексте философских проблем формирования историко-культурного сознания (междисциплинарный аспект): Г.Г. Шпет / *Comprehensio*. Четвёртые Шпетовские чтения / Отв. ред. О.Г. Мазаева. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. – 596 с.

(Серия “Научные доклады”; вып. 1)

ISBN 5–7511–1742–5

В сборнике представлены материалы, посвященные философским и другим гуманитарным проблемам идейного наследия Г.Г. Шпета, которое актуализировано в контексте исследовательских практик XX–XXI вв.

Для философов, культурологов, представителей всех гуманитарных отраслей знания академической и вузовской сферы, студентов.

УДК 1 (091)

ББК 87.3

Книга распространяется бесплатно

ISBN 5–7511–1742–5

© Томский госуниверситет, 2003

© АНО “ИНОЦентр (Информация. Наука. Образование)”, 2003

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
<i>А.Э. Савин.</i> Понятие редукции в «Идеях I» Э. Гуссерля и «Явлении и смысле» Г.Г. Шпета	15
<i>Марис Денн (Maryse Dennes).</i> Роль и значение ссылки на номинализм в тексте Г. Шпета «Явление и смысл»	24
<i>Н.В. Буковская.</i> Густав Шпет: демаркация мудрости и разума	38
<i>С.И. Орехов.</i> Философия и философствование по Г.Г. Шпету.	45
<i>Л.А. Максименко.</i> Проблема первичного знания в философии Г.Г. Шпета.	49
<i>Р.А. Конов.</i> Динамика знания и новое эпистемологическое понятие «системный ансамбль»	52
<i>С.Б. Степаненко, Е.А. Степаненко.</i> Перспективизм и гуссерлевская концепция истины	57
<i>Ю.А. Леонтьев, Э.О. Леонтьева.</i> Апофатические мотивы в феноменологии, или Как возможна очевидность.	62
<i>Г.Л. Тульчинский.</i> Трансцендентальный субъект, постчеловеческая персонология и новые перспективы гуманитарной парадигмы	70
<i>В.В. Петренко.</i> Субъективность в феноменолого-герменевтической перспективе.	81
<i>А.А. Кузьмин.</i> Феноменология личности в философии Э. Гуссерля и Г.Г. Шпета.	88
<i>Ю.С. Осаченко.</i> Феноменология мифа или миф феноменологии?	94
<i>С.А. Кукушкин.</i> Принцип «овозможения реальности» в современной философии	98
<i>О.В. Картавая.</i> Значение феноменологического подхода в формировании образа мира.	103

<i>О.Е. Рычагова.</i> Феноменология права	109
<i>И.А. Михайлов.</i> Герменевтическая логика Г. Шпета и Г. Липпса.	114
<i>Е.А. Юршиткович.</i> Возможности герменевтики как метода рационального мышления в философии Г. Шпета	124
<i>Е.В. Сальников.</i> Основные положения герменевтической логики Г.Г. Шпета	133
<i>Е.А. Степанов.</i> Предпосылки диалогичного понимания слова у Густава Шпета.	139
<i>Е.В. Зинченко.</i> Герменевтические тенденции в феноменологии Э. Гуссерля.	145
<i>И.А. Эннс.</i> Феномен «Другого» и проблема интерсубъективности	154
<i>И. Полещук.</i> Понятие уважения у Канта и ситуация лицом-к-лицу в философии Левинаса.	162
<i>Г.В. Горнова.</i> «Я-центр» жизненного мира.	168
<i>Г.А. Антипов.</i> Актуальность Густава Шпета.	172
<i>М.В. Будулуца.</i> Герменевтический смысл аристотелевского понятия $\phi\rho\nu\nu\eta\sigma\iota\varsigma$	180
<i>О.А. Краевская.</i> Границы и перспективы хайдеггеровского метода при тематизации концепта времени.	185
<i>М.Ю. Кречетова.</i> Различение «подлинного» и «неподлинного» бытия у С. Кьеркегора и М. Хайдеггера.	196
<i>Е.В. Борисов.</i> Локальность идеологии в наукоучении К.-О. Апеля	204
<i>Е.И. Кириленко.</i> Принцип внутренней формы и проблема телесности	210
<i>О.Н. Карпицкая.</i> Феноменологическое описание процесса самосознания.	217
<i>Д.В. Солдатова.</i> Действительность в трудах Шпета: от феноменологического к герменевтическому рассмотрению.	221
<i>Н.А. Колодий.</i> Возможности феноменолого-герменевтической философии в становлении социальной онтологии.	227
<i>А.А. Самойкина.</i> Развитие гуссерлевского понятия смысла в философии Г. Шпета	240
<i>Л.В. Подшибякина.</i> Феноменологическое присутствие смысла.	244
<i>Т.Н. Патрахина.</i> О влиянии Г.Г. Шпета на формирование структурной лингвистики в России.	249
<i>Е.Л. Марголис.</i> Homo semanticus. Актуализация лингвистических идей Г.Г. Шпета в работах Анны Вежбицкой.	254
<i>Г.М. Тарнапольская.</i> Проблема смыслопорождения в философии языка Г. Шпета	268
<i>С.Р. Вяхирева.</i> Симметричный диалог шпетовского слова и асимметричный диалог арабского слова.	273
<i>В.А. Ладов.</i> Интенциональность в философии Д. Серла.	282

<i>М.В. Лебедев.</i> Современное состояние динамического подхода к анализу значения в философии языка.	296
<i>Б.Ф. Егоров.</i> Г.Г. Шпет о русской культуре XIX века	319
<i>Н.В. Серебрянников.</i> Шпет как литературный критик	327
<i>Б.Н. Поизнер.</i> Дух народа: Шпет о Пушкине	331
<i>Анна Хан.</i> Борис Пастернак и Густав Шпет: лингвофилософский аспект сопоставления.	340
<i>Мария Кандида Гидини.</i> Специфика эстетического предмета: отрешенное бытие у Шпета и у Бахтина.	370
<i>В.А. Суханов.</i> Проблема эстетической реальности в работах Г.Г. Шпета и М.М. Бахтина.	379
<i>Е.А. Найман.</i> «Современные повторения» Густава Шпета.	387
<i>А.Г. Волков.</i> Г. Шпет – Ж. Деррида: от очарования словом к разочарованию в письме	394
<i>К.А. Семенюк.</i> Драма французской структуралистской критики: литература и сексуальность	403
<i>С.Г. Сычева.</i> Специфика языка философии: Ж. Делез и Ф. Гваттари.	408
<i>В.Н. Сыров.</i> Значение герменевтики для исторического познания.	416
<i>А.П. Семенюк.</i> Немецкая герменевтика в перспективе методологических поисков отечественной историографии.	432
<i>Е.В. Агафонова.</i> Нарратив как форма самоорганизации идентичности в рамках социально приемлемых схем	438
<i>М.А. Мисик.</i> Поэтика истории: пределы исторической репрезентации	444
<i>Н.Н. Карпицкий.</i> Феноменология исторического становления	455
<i>Т.В. Мецержакова.</i> К вопросу об определении понятия «историческая индивидуальность»	466
<i>В.В. Возилов.</i> Г.Г. Шпет и эволюция представлений о русском нигилизме	470
<i>М.В. Хлебников.</i> К вопросу о русском консерватизме (опыт феноменологии в понимании отечественного философствования)	481
<i>Л.В. Епина.</i> Творчество Г.Г. Шпета и проблемы методологии историко-философских исследований	486
<i>Т.Г. Щедрина.</i> Иден Густава Шпета в проблемном поле современных философских дискуссий.	491
<i>Мариз Денн (Maryse Dennes).</i> Изучение творчества Г.Г. Шпета во Франции.	501
<i>Микела Вендитти (Michela Venditti).</i> Философия П.Д. Юркевича в истолковании В.С. Соловьева и Г.Г. Шпета.	506
<i>Д.В. Сухушин.</i> Проблема интерпретации специфики философии в творчестве Г. Шпета и Л. Шестова.	514

<i>О.Г. Мазаева.</i> Об опыте портретирования в творчестве Ф.А. Степуна.....	523
<i>Peter Steiner.</i> Tropos Logikos: Gustav Shpet's Philosophy of History.....	558
<i>М.Г. Шторх.</i> Густав Шпет и Юргис Балтрушайтис (по мате- риалам семейного архива Г. Шпета)	580
<i>Г.Г. Шпет.</i> <Письмо Сталину>.....	586

Предисловие

В сборнике публикуются материалы Четвёртых Шпетовских чтений. Международная конференция продолжила многолетнюю традицию исследований творческого наследия Г.Г. Шпета, которая с 1989 г. начата Вольным гуманитарным семинаром (ВГС) города Томска (доценты ТГУ Б.Н. Пойзнер, Н.В. Серебренников), при поддержке главного редактора издательства «Водолей» Е.А. Кольчужкина и главного редактора издательства Томского университета В.С. Сумароковой, при активном содействии членов семьи Г.Г. Шпета (дочь – М.Г. Шторх, внуки – М.К. Поливанов, Е.В. Пастернак), творческой группы кафедры истории философии и логики философского факультета Томского государственного университета (зав. каф. доц. О.Г. Мазаева). Шпетовские чтения состоялись в 1991, 1996, 1999, 2002 гг. Вторые и Третьи чтения были поддержаны грантами РФНФ.

В рамках многоаспектной работы с 1989 г. и до настоящего времени реализуется несколько видов деятельности:

- Архивные исследования, републикация трудов Г.Г. Шпета.
- Издание научных трудов современных исследователей и перевод на русский язык работ по близкой Г.Г. Шпету проблематике.
- Контакты и связи с научной общественностью России, ближнего и дальнего зарубежья.

И.А. Михайлов (Москва)
Герменевтическая логика
Г. Шпета и Г. Липпса

I. Реформа логики

Диагноз. Я хотел бы начать с одной из наиболее важных цитат Шпета из Гумбольдта. «Язык, по меткому определению Гумбольдта, не есть произведение, *ergon*, а есть деятельность, *energeia*, которая действует некоторым постоянным и единообразным способом и имеет целью понимание» [1. 11]. Шпет вообще неоднократно говорит о «живом динамическом понятии». Здесь содержатся две важные мысли: 1 – представление об активной, деятельной природе языка; 2 – представление о взаимосвязанности речи с пониманием. Когда мы не замечаем этого прорыва «в неразделенной совокупности всего стремления, а лишь в его единичных действиях, нам остается только охватить однородность его действия в мертвом общем понятии». Но: «формы знания простираются далеко за пределы правил связи речи и даже за пределы образования слов» [1. 11].

Шпет неоднократно возвращается к критике современной ему логики – говоря, например, о мертвящем «логицизме» [1. 24].

В чем же он заключается? Прежде всего – в *атомизме*, – Шпет говорит о «...совершенно недопустимой симплификации, отдаляющей нас от познания “целого”, а не приближающей к нему» [1. 41]. Характерной чертой такого подхода являются частности, отдельные элементы. Но «отдельные слова», вырванные из их логичес-

кой и синтаксической связи, суть умерщвленные органы речи; если в них мы не находим признаков жизненной силы, непозволительно заключать, что ее нет и в целом организме». Следовательно, язык жив «только в своей полной логической и синтаксической конструкции» [1. 41–42].

Итак, общий вывод: исходить из общего, из взаимосвязи, – тенденция, восходящая к Дильтею. Отметим теперь еще один оборот критики Шпета, который позволит нам перейти к следующей теме, так называемому «обратному порядку» логических форм. «Когда “понятия” предстают оторванными друг от друга, они – каждое в отдельности – “клочки” чего-то целого, лоскутки речи. Формалистическая логика, – продолжает свою мысль Шпет, – отрезает бахрому, края и растрепанную ткань, но, при самом пёстром затем подборе таких лоскутков, не достигает цели изображения их в жизни целого. Своей нормальной жизнью понятие живет только в суждении» [1. 43–44]. «Оторванное понятие – мертво; живое понятие есть понимание. Понимание оживляется, мы “понимаем”, когда в самом понятии мы находим суждение» [1. 46]. Итак, здесь отчетливо заметен новый аспект: принцип подхода к слову (языку, речи) как к взаимосвязанному целому, что подталкивает Шпета к выводу: *«единицей рассмотрения должно стать уже не понятие, а «общность» более объемлющего рода – суждение* (см. раздел II данной статьи).

Решение. По сути уже ясно, какой именно выход из этой ситуации видит Шпет. На каких же общефилософских и общеметодологических предпосылках этот выход, это решение основываются?

«Только из целого делается понятной часть» [1. 26]. Это, вообще говоря, достаточно традиционное герменевтическое правило. Означает оно примерно следующее: при чтении текста читатель, не имея – первоначально – представления о целостности замысла, вынужден по ходу чтения постоянно корректировать (обогащать), а иногда и существенно видоизменять свое понимание текста по мере того, как он знакомится с текстом как целым. Части тогда могут предстать, как мы зачастую говорим, «в совершенно ином свете». Это – один из аспектов так называемого «герменевтического круга».

Но, далее, принцип герменевтического круга подразумевает *не то* целое, которое составляется из частей наподобие агрегата, а *целое, принадлежащее качественно иному уровню*. Это значит, что целое (текста) обладает *качественно иной природой*. – Но только ли целое? Не следует ли нам тогда сказать, что *также и части* этого герменевтического круга должны иметь некую особую природу, отличную, скажем, от частей механизма? – Вне всякого сомнения. Поэтому Шпет добавляет: «слово <то есть та самая часть. – И. М.> как неорганизованный “отрывок”, *implicite* и потенциально заключает в себе то, что предложение дает *explicite* и актуально» [1. 26]. Этот тезис, в свою очередь, проясняется представлениями Шпета об энергетической, динамической природе языка (что кратко очерчено выше).

Действительно ли необходима новая логика? Критика Шпета, которую я реферировал выше, серьезна. Но действительно ли необходима новая логика? Нельзя ли ограничиться незначительными косметическими преобразованиями? По-видимому, нет. «...все логическое, – полагает Шпет, – должно иметь свое словесное выражение. Поэтому теперь его нужно искать в таком отношении слов, с которым грамматика не может справиться. Такой формой является целое “предложение”» [1. 29]. «Традиционная грамматика не может ничего сказать о предложении как целом, – отмечает далее Шпет. – Она может это делать лишь до тех пор, пока молчаливо берет его как составленное из частей» [1. 29–30]. Итак, одним из препятствий на пути феноменологической философии, которую представлял Г. Шпет и многие другие его современники, оставалась традиционная логика, рассматривающая логические формы (понятие, суждение, умозаключение) вне их связи с содержанием мышления – в качестве своеобразного «мыслительного инвентаря» рассудка. Соответственно, задача формальной логики могла бы быть обозначена как «морфология форм» мышления, в основе которого лежало убеждение, что слова – всего лишь метки, «этикетки», указывающие на определенное объективное мыслительное содержание. Предполагалось также, что слово является выражением «внутренней речи», которой при произнесении соответствуют слова. В рамках этой парадигмы только и имело смысл говорить об «объективном содержании» речи. Но если

мы, далее, спросим: что есть это «объективное содержание» в рамках феноменологической парадигмы, то ответ будет гласить: форма / структура, отражаемая в актах сознания. Тогда возможно определенное затруднение, которое связано прежде всего с тем, что перед исследователем постоянно будет стоять проблема нахождения соответствия между структурными элементами сознания. Поэтому когда Шпет отмечает: «Не следует искать постоянного соответствия между звуковой формой слова и внутренней интеллектуальной формой» [1. 13], – он весьма близок к тому, чтобы всерьез оторваться от Гуссерля. Отметим, что в этом аспекте прослеживается также и определенная связь с идеями позднего Витгенштейна.

Ганс Липпс (1889–1941), учившийся у Гуссерля примерно в одно время со Шпетом, также сосредоточивается на этих проблемах. Неудовлетворительность такого подхода обнаруживалась уже в том, что вместо *живого языка человека* рассматривался некий усеченный и определенным образом препарированный язык. В логике не оказалось места советам, просьбам, вопросам, примерам, неконтролируемым возгласам, омонимичности слов, – словом, всему тому, из чего наряду с понятиями и умозаключениями соткана живая человеческая речь, язык человека. И все это было сделано только на том основании, что указанные речевые формы «не могут быть “истинными”» [2. 20].

Итак, недостаточность, ограниченность – «усеченность» – логики становится одним из наиболее общих диагнозов того времени. **Резюме** критики традиционной логики сводится к следующим моментам: 1. Речь – скорее *enegreia*, а не *Ergon*. 2. Порочность традиционных схем (деление на внутреннее и внешнее восприятие). 3. Анализ языка должен быть направлен на целое, а не на его части.

II. Обратный порядок

В противоположность последовательности понятие–суждение–умозаключение, выстраиваемой традиционной логикой, Г. Липпс предлагает другой порядок. Центральным элементом познания провозглашается умозаключение: оно, так же, как и слово, изменяет и проясняет ситуацию. Но не только. *Умозаключение* (Schluß) – это *попытка разобраться с ситуацией*. Умозаключения возникают не в

пустом пространстве абстрактного познания, а в реальной жизни, когда неопределенность, в которой обнаруживает себя человек, требует незамедлительного решения. Разрешение неопределенности становится каждый раз главной задачей, а умозаключение играет, соответственно, основную роль.

«Человек заключает о чем-то, когда вещи недостаточно ясно говорят сами за себя, когда не хватает обычной констатации того, что имеешь перед глазами. Или если, при отталкивании от самоочевидностей, обнаруживается, что они неудовлетворительны. Умозаключение необходимо и тогда, когда требуется найти новые резервы понимания, выяснить, что было пропущено в старых расчетах. Не обойтись без него и при изменении ситуации по сравнению со временем первого соприкосновения с ней» [2. 38]. Лаколичная выразительность заключения о ситуации не является, по Липпсу, теоретической необходимостью. Человек должен принимать решения, стоя в гуще событий. Таким образом, «он принуждается к умозаключению» [2. 47]. Поэтому бессмысленны попытки «обучить» кого бы то ни было делать умозаключения «правильно». Рожденное в конкретной ситуации, умозаключение может быть понято только при умении индивида «вживаться» в соответствующие обстоятельства.

Называя (умо)заключение «принципом познания» [2. 40], Липпс уточняет, что не предполагает тем самым, будто оно есть нечто элементарное и не желает вступать здесь в противоречие с классической логикой. Подразумевается следующее: заключают на основании обстоятельств, фактов, а не на основании посылок. Последние обнаруживаются только в ретроспективном представлении, отображении (*Darstellung*) умозаключения. С помощью посылок демонстрируют «содержательную принудительность (*der sachlich Zwingende*) умозаключения» [2. 40]. *Посылки* в логическом смысле следует отличать от предположений, «предпосылок» (*Voraussetzungen*), на основании которых человек верит, что имеет основание делать заключение [2. 40–41].

III. Речь в контексте понимания и познания

Речь в коммуникативности. «...Каждое слово – ...элемент сообщаемой речи», отмечает Шпет [1. 37]. Надо отдать здесь должное определенной смелости. В этом он прямо противоречит классическим пассажам Гуссерля, который от оповещающих, то есть общающих знаков отличает «знаки, о б л а д а ю щ и е з н а ч е н и е м , то есть в ы р а ж е н и я » [3. 41]. Гуссерль сначала анализирует «около-логическую», так сказать, сферу; выясняет что такое «знак», «признак», «выражение», «значение». Затем происходит разграничение выражения и значения. (Оказывается, что выражению самому по себе вообще необязательно присуще значение). Следующий шаг: более детально рассматривается само значение (*Bedeutung*). Выясняется, что прежде чем заговорить вообще о «значении», необходимо различить интенцию значения и интенцию осуществления полноты значения.

Здесь, вполне согласуясь с общей логикой замысла Гуссерля, антипсихологического по своей направленности, обнаруживается следующее: из этих двух наиболее важной является именно интенция значения: нам не всегда необходимы наглядные образы для того, чтобы выраженный смысл был интуитивно понятен. Более того, Гуссерль справедливо показывает, что в ряде случаев это даже невозможно. В *практическом* отношении – приведем свои примеры: «количество людей, населяющих землю на данный момент», хотя это никак не касается осмысленности выражения. (Или еще примеры: «четырёхмерное пространство», «бесконечно большое число»). А в ряде случаев вообще никак невозможны наглядные образы, например: «квадратный круг».

Подведем итог. Гуссерль последовательно отделяет все коммуникативные, психологические, – вообще все аспекты, связанные с коммуникацией, – от «значения». И для него уж тем более невозможно говорить о «значении слова» в собственном¹, разумеется, смысле). В дальнейшем выясняется, что значением выражения обладают, в первую очередь, в «одиночестве душевной жизни»: «Слово только тогда перестает быть словом, когда наш инте-

¹ О «собственном» и «несобственном» см. доклад М.Ю. Кречетовой на данной конференции.

рес направлен исключительно на чувственное, на слово как комплекс звуков. Когда же мы вживаемся в его понимание, тогда оно выражает и выражает то же самое, адресовано ли оно кому-либо или нет» [3. 45]. Тем самым, *слово и понимание* разводятся на две сущностно различные плоскости.

Совершенно иначе эта проблема решалась в герменевтической традиции.

Речь в связи с пониманием. Сначала – о том, как В. Дильтей формулировал проблему понимания. Понимание вырастает, в первую очередь, из интересов практической жизни [4. 207]. Понимание – как мы могли бы сказать сегодня – есть практическая ориентация в мире: опасно ли? враждебно ли? и т.п. Следует отметить, что Дильтей включал «понимание» в более общее понятие «познания» (*Erkenntnis*). Познание в самом широком смысле – процесс, в котором человек желает достичь общеобязательного знания. Соответственно, понимание – процесс, в котором на основе чувственно данных проявлений человеческой жизни эта жизнь становится познаваемой (познается). Истолкование, далее, есть художественное понимание, искусство понимания письменно зафиксированных проявлений жизни.

Все эти принципы разделяет и Шпет. «Под внутренней логической формой слова разумею *такое отношение языка к его значению, которое имеет место там, где мы пользуемся языком в познавательных целях*» [1. 43]. «Язык служит цели *понимания*, и в этом смысле он является единственным и всеобщим источником и орудием познания» [1. 12].

«Понимание знака... есть “проблема”, и нельзя “знак” принимать просто за член репродуцируемого ряда представлений, и именно потому нельзя, что он имеет *значение*» [1. 35]. С ориентированностью на понимание проявляется еще и такое важное измерение, как социальная функция языка и слова. Шпет говорит о «преимущественно социальной природе слова» [1. 43].

Г. Липпс обращает внимание на немецкий вариант у А. Тренделенбурга фразы Аристотеля из *Метафизики*: «любая речь служит для обозначения». Липпс считает, что такой перевод не учитывает подлинного смысла, который заключается в том, чтобы «сообщить нечто кому-либо». Причем в таком понимании смысла «се-

мантического» нам открывается подлинная природа знака. Знаки «всегда должны сообщать кому-то нечто. Дорожный знак ставится, чтобы, например, проинформировать водителя об опасности нерегулируемого железнодорожного переезда. Его «значение» (“Bedeutung”) в данном случае – в указании, которое он дает [2. 7]. Ориентироваться на это значение «означает» ехать осторожно. Совершенно с иной ситуацией мы имеем дело, когда видим знак-обозначение железнодорожного переезда на карте. Лишь для этого второго знака подошло бы выражение «служить обозначением чего-либо». Здесь знак предметно заменяем. Итак, адекватное восприятие знака предполагает определенное действие. Такого же мнения придерживается и Хайдеггер [5. 79–83].

IV. Теория предикации. Предмет. Вещь

Определенное сходство прослеживается и в теории предикации Шпета и Липпса. «...Слово не “передает” предмета, который по существу трансцендентен, оно *только называет его* <курсивы мои. – И. М.>» [1. 12]. То же самое характерно и для языка в целом: «Язык не выражает *explicite* всего, что мы хотим сообщить, он в этом отношении как бы уподобляется стенограмме» [1. 41]. Чуть более подробно разворачивает эту проблему Липпс. Слово, по Липпсу, есть *вариант* соответствующей мысли, ее вычерчивание (*Auszeichnung*) [2. 8], проясняющее ситуацию, «подводящее меня к вещи». Но – и здесь Липпс практически полностью согласен со Шпетом – слово «не дает ее мне» [2. 8]. «Артикулируемое слово окружает пояс невыразимого ... Человек говорит из живого «сейчас». Поэтому понимать что-либо буквально (или: “дословно”) чаще всего означает: цепляться за слова, тем самым перевирая сказанное» [2. 71]. В результате, при попытке найти «значение» слова, вырывание его из контекста ситуации, может придавать слову совершенно чуждые ему значения. Потребность «привлечь слово к ответу» рождает, как полагает Липпс, научные понятия. Человек ищет понятия, которые ему можно «с чем-то связать». Значение слова должно быть «точно определено». В самом строевании слов «понятие» (“Begriff”) и «понимать» (“begreifen”) Липпс усматривает родственную структуру, что служит подтверждением

его догадки относительно экзистенциального прошлого и настоящего языка. «Понимать» означает: искать почву под ногами, стремиться к определенности и ясности, а следовательно, и устойчивости своего существования. «Понимать» – не что иное как «ухватить» вещи (im Griff nehmen) [2. 62].

V. Заключение

На мой взгляд, Шпет совершенно верно ориентирует свои исследования логики и языка на проблему предметности и, собственно, предикации. Это обстоятельство, однако, амбивалентно и отчасти объясняет некоторые ограниченности его исследовательской парадигмы. Первое из этих ограничений связано с влиятельным в то время жупелом «психологизма», возникшим благодаря Э. Гуссерлю² [6. 149, 160]. Поэтому Шпет, реферируя Штейнталя, отмечает, что опасность в игнорировании предмета заключается в том, что для внутренней формы остается одно только субъективно-психологическое истолкование, предоставляющее творчество форм субъективному произволу» [1. 19]. Именно эта, одна из главных и для него несомненных предпосылок, принципов, на которых строится его исследование, определяет и некоторые частные критические соображения, высказываемые Шпетом³.

Большая перспективность исследований Г. Липпса в этом отношении заключается в том, что он – точно так же ориентируя проект своей логики на «предмет», «вещь», «обстоятельства» (Sache) – не боится этого упрека в психологизме, сопрягая само постижение конструирования предмета с повседневной ориентацией человека в мире, с его «формами говорящего и мыслящего поведения». Между тем именно нависающая над всеми последователями Гуссерля опасность и угроза обвинения в психологизме

2 Кстати, В. Куренной справедливо отмечает недостатки и перегибы этой критики психологизма: Статистика показывает, что в качестве «главного психологиста воспринимался как раз сам Гуссерль. Таким образом, именно Гуссерль во многом и создает того «врага», которого успешно побеждает в 1-м томе «Логических исследований».

3 Так, например, о «правомерности противопоставления восприятия на внутреннее и внешнее» Шпет отмечает только, что «следствием такого деления является ограничивающий наше познание эмпиризм и следствие: релятивизм и психологизм» [1. 31]. Ср. также критику Марти за «психологическое образование понятий из единичных представлений» [1. 36].

заставляет Шпета искать варианты решения этой проблемы в синтаксической плоскости: «...я предлагаю перенести вопрос о внутренней форме языка – для его решения в полной всеобщности – из сферы собственно морфологии слова в сферу образования и конструкции предложений, т.е. в сферу синтаксическую» [1. 24].

Но важным и показательным является уже то, что попытка более глубоко и последовательно продумать основные принципы феноменологии приводят Шпета и Липпса к *проблеме языка* (как и позднего Хайдеггера). Следующий важный вывод, который мы можем сделать, опираясь на проделанное этими двумя мыслителями: радикальное и точное следование феноменологической максиме *ведет к герменевтической постановке вопроса*. На этот путь вышел в конце 20-х гг. Липпс, примерно в то же время, что и Хайдеггер. Таким образом, Г. Шпет и Г. Липпс являются лишь одним примером герменевтической трансформации феноменологической программы Гуссерля, однако в мышлении Липпса нам видится аналог тех событий, которые были характерны для середины XX в. в целом, а именно: поворот к проблемам языка и человека.

Литература

1. Шпет Г.Г. Язык и смысл. III часть. Архивная публикация И.М. Чубарова // Логос. 1998. № 1.
2. Lipps H. Untersuchungen zu einer hermeneutischen Logik. 1938.
3. Гуссерль Э. Собрание сочинений. Т. 3 (1). Логические исследования. Т. II (1) / Пер. с нем. В.И. Молчанова. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001.
4. Dilthey W. Gesammelte Schriften. Bd. VII, 207.
5. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина. СПб.: Наука, 2002.
6. Куренной В. Философия и институты: случай феноменологии // Логос. 2002. № 5–6.